

А

Петр Николаевич Краснов

"Мы пойдемъ впереди съ красными флагами"...

(іюнь 1917 года на N-омъ фронтѣ).

текст приводится по изданию:

"Нива", No 38.

Иллюстрированный журнал литературы политики и современной жизни.

Петроград. Изд-во Т-ва А. Ф.Маркс. 1917г.

I.

Въ домѣ генерала Наумова неспокойно. Старый генераль ходитъ взадъ и впередъ большими твердыми шагами по обширному кабинету и "бурчить" недовольно подъ носъ. Генеральша моложавая женщина съ серебристо-сѣдыми волосами, не покидаетъ своей кушетки, дочери Нелли и Долли, дѣвочки 12 и 14 лѣтъ, притихли. Сегодня Вовикъ заявилъ отцу, что онъ бросаетъ училище Правовѣдѣнія и идетъ вмѣстѣ съ шестью товарищами на ускоренные курсы Пажеского корпуса.

Вовику всего 17 лѣтъ. Онъ еще не военнообязанный. Тамъ, можетъ-быть, пока онъ подростъ бы, кончилась бы и эта война. Тогда, куда угодно...

Въ душѣ Наумова разладъ. Любовь къ сыну, здоровый эгоизмъ отца борется съ чувствомъ патріотизма. Еще вчера, в обществѣ другихъ генераловъ и сановниковъ, генераль громилъ "оставшихся въ тылу", призывалъ къ патріотизму, говорилъ, что всѣ, всѣ до одного, должны взять винтовку и идти защищать родину. Самъ въ большой залѣ клуба вспоминалъ ружейные приемы и кричалъ команды до тѣхъ поръ, пока удушье не захватило его и онъ не закашлялся. Да, то для другихъ... Пожалуй, онъ самъ бы пошелъ, если бы здоровье ему позволило, но Вовикъ!!...

Вовикъ, красавецъ-юноша, стройный, пылкій, мужественный. Аполлонъ въ dospѣхахъ Гермеса. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, когда всѣ идутъ на войну.

-- Ты понимаешь, папа, и ты, милая мама, поймешь, -- говорилъ онъ вчера, и его голосъ ломался, а на лицо безъ признака усовъ и бороды то набѣгаль пурпуръ волненія, то сбѣгаль, -- идутъ всѣ русскіе люди. Князь Гагаринъ записался первымъ, потомъ Селивановъ, потомъ я...

-- Эхъ, поторопился...

Папа, но пойми же, родинѣ нужны офицеры. Мы молоды, сильны, хорошіе гимнасты, намъ легко дается военная наука, и мы принесемъ пользу родинѣ.

-- Ты бы о матери подумалъ, -- тихо шепчетъ генеральша, и слезы текутъ изъ ея глазъ.

И въ ней ужасный разладъ... она такъ понимаетъ сына, такъ восхищается его порывомъ, такъ горячо любить и уважаетъ его за это... Да, уважаетъ маленькаго Вовика, того самаго Вовика, который такъ еще недавно совершенно беспомощный спалъ въ колыбелькѣ, котораго она крестила на ночь... И вотъ въ Вовикѣ проснулся рыцарь и герой.

-- Ты, мама, сама не то думаешь, что говоришь...

И онъ цѣлуетъ мать.

-- Вѣдь еще вчера ты, мама, говорила, что стыдно сидѣть въ тылу теперь, помнишь, вернувшись изъ театра, ты рассказывала, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на тебя масса мужской молодежи, переполнявшей театръ... Ты вѣдь, милая мама, горячая патріотка, я знаю, ты все готова отдать, чтобы только Россія побѣдила...

-- Что же, -- улыбаясь сквозь слезы, говоритъ мать, -- ты хочешь, чтобы я и сына, единственнаго сына, отдала въ жертву войнѣ!

Молчаніе... Бубнить генераль, ходя взадъ и впередъ по гостиной, и Нелли и Долли смотрятъ большими полными восторга и любви глазами на брата.